

видение вне интеллектуального представления и концепций. Исходной точкой здесь является вопрос о внимании: что значит внимание? В свете достижений в области когнитивной науки понятие «видение» отражает и критику и действенность наших знаний о действительности.

Кризис и кризисные явления — это своего рода матрица для вычленения образцов событий, в которых кристаллизуются понятия, проходят путь исторического развития и перестают употребляться. Например, это относится к понятию «спиритическое», «мода» на употребление данного понятия прошла. Или тема идентичности (национальной, индивидуальной) в свете упрощения контактов между различными народами, цивилизациями — стала основной, чем чаще встречаешься, тем больше противоречий выявляется.

Таким образом, вопрошание в отношении того или иного понятия будет откликом на три его возможные ипостаси, сформулированные в концепции Тулмина: о росте понятия, о его усвоении в жизни индивида и о его ценности.

1. Тулмин Ст. Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. С. 29.

2. Юнг К.Г. Один современный миф. О вещах, наблюдаемых в небе. М., 1993. С. 7.

3. Блаватская Е.П. Разоблаченная Изиды. Ключ к тайнам древней и современной науки и теологии. Т. 1. М., Минск, 2000. С. 35—36.

4. Грегори Р.Л. Разумный глаз. М.: Едиториал УРСС, 2003. С. 119.

В.Н. Финогентов

Орел

О НЕОБХОДИМОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ КОНСТРУКТИВНОГО ДИАЛОГА НАУКИ И РЕЛИГИИ

На протяжении огромного периода истории религия, несомненно, играла доминирующую роль в социальной, культурной, духовной жизни человека. Можно сказать, что в это время имела место религиоцентрическая культура. Начиная с эпохи Просвещения, на роль духовного лидера стала претендовать наука. Особо отчетливо эти претензии проявились в XIX веке и в первой половине XX века, когда наука добилась поразительных успехов, а негативные последствия ее стремительного развития еще не бы-

ли столь заметны как в наши дни. В это время складывается, по сути, культовое отношение к науке. Наука рассматривается как высшее достижение человечества, как средство решения всех проблем, встающих перед человечеством. Вторая половина XX века и начало нынешнего — период разворачивания научно-технической революции — знаменуются колоссальными достижениями науки, техники, технологии и одновременно становлением и обострением множества разнородных проблем, порожденных научно-техническим прогрессом, и угрожающих самому бытию человека и человечества. Своеобразным откликом на эту угрозу стал религиозный ренессанс, наблюдаемый не только в нашей стране, а также всплеск антинаучных настроений (антисциентизма). Религия в наши дни вновь претендует на духовное лидерство.

Когда мы говорим о науке и религии, мы, как правило, сталкиваемся с полярностью их оценок. Как пишет Войно-Ясенецкий, «На своем жизненном пути нам встречаются два типа людей. Одни во имя науки отрицают религию, другие ради религии недоверчиво относятся к науке» (Наука и религия. Ростов н/Д., 2001. С. 33). Действительно, слово «наука» часто ассоциируется в сознании наших современников с чем-то очень сложным, непонятным, чрезвычайно дорогим, с изобретением оружия массового уничтожения, с генными экспериментами, с дегуманизацией образа жизни людей, с разрушением сферы священного. Подобным же образом, слово «религия» вызывает у многих из нас негативные ассоциации с религиозными конфликтами и войнами, с пытками и казнями жертв инквизиции, с невежеством, нетерпимостью и фанатизмом, с преследованиями еретиков и иноверцев, с изуверскими культами. Негативные представления об одной из обсуждаемых сфер, религии или науке, зачастую дополняются не критическим и даже панегирическим отношением к оппонирующей сфере. Достаточно глубоко и широко укоренился предрассудок, согласно которому история и современное состояние отношений науки и религии могут быть охарактеризованы с помощью метафоры «войны». С другой стороны, принципиально неверны также бытующие представления об якобы существующем между религией и наукой согласии по принципиальным вопросам. Столь сложные и значимые вопросы, как вопрос о характере взаимоотношений науки и религии, не имеет простых отве-

тов. Необходимо многостороннее и профессиональное обсуждение этого вопроса. Специалистами высказано и солидно обосновано предположение, что история и современное состояние отношений науки и религии могут быть достаточно адекватно представлены совокупностью четырех вариантов этих взаимоотношений: конфликт, независимость, диалог, интеграция (см. об этом: Барбур Иен. Религия и наука: история и современность. М., 2001).

Сложность вопроса о взаимоотношениях науки и религии обусловлена в частности сложностью самих феноменов науки и религии. Термины «наука» и «религия» мы употребляем, чаще всего не задумываясь над их содержанием. Однако задуматься над этим стоит хотя бы потому, что от нашего понимания науки и религии зависят наши оценки этих феноменов, наше отношение к ним. Проясняя содержание обсуждаемых понятий, следует, прежде всего, иметь в виду многообразие и науки и религии. Иначе говоря, не существует науки как таковой, как и религии как таковой. В реальности мы сталкиваемся с огромным и постоянно растущим многообразием наук: логико-математических, естественных, технических, медицинских, сельскохозяйственных, социально-экономических, исторических, гуманитарных. Эти науки весьма сильно отличаются друг от друга (своими предметами, методами, языками...) и их трудно охватить одним определением. Аналогично, в действительности мы имеем дело с множеством религий: мировых и национальных, древних и нынешних, только еще формирующихся. Каждая из них притязает на истину, они отличаются вероучениями, организационными формами, обрядовыми практиками, возрастом, степенью распространения и т.д. Это многообразие также очень трудно подвести под единое определение. Задача определения науки и религии еще более усложняется тем, что каждая из них исторически изменчива, прошла в своем развитии целый ряд существенно различных ступеней. Например, мы можем говорить о периоде классической науки, об эпохе неклассической науки, об этапе постнеклассической науки. Наконец, уточняя содержание понятий «наука» и «религия» следует помнить о внутренней сложности, системности каждой отдельной науки и каждой формы религии. Так, например, наука — это и совокупность научных знаний, и специфический вид деятельности, и особый социальный институт, и академическая система. Аналогично, религия — это и вероучение, и особый тип ор-

ганизации, и специфический вид деятельности, и своеобразные отношения.

Более или менее определенно говорить о науке и религии в аспекте их взаимоотношений можно, только определив свою собственную мировоззренческую позицию. Только совершив мировоззренческий выбор, мы обретаем «систему координат», с помощью которой можно целостно и обоснованно решать столь масштабные задачи. Именно мировоззрение является тем контекстом, который делает возможным понимание сущности религии и науки. Этот же контекст задает характер оценок этих феноменов, а также детерминирует соответствующее понимание их взаимоотношений. Действительно, нетрудно убедиться в том, что понимание и оценки характера взаимоотношений науки и религии, даваемые представителями различных мировоззрений (религиозного, философского, теистического, атеистического, научного, повседневного-обыденного), принципиально отличаются друг от друга. Понятно, что выбор мировоззрения — это задача, которую каждый человек должен решать самостоятельно. В этом проявляется то, что называется свободой совести. Здесь не должно быть навязывания и принуждения. Думается, однако, что представители всех типов мировоззрения, стремящиеся к осуществлению конструктивного диалога науки и религии, должны придерживаться, по крайней мере, двух принципов. Первый из них — это *«принцип взаимного признания»*. Суть его состоит в признании субъектами всех типов мировоззрения социальной, культурной, жизненной, экзистенциальной необходимости и ценности как науки, так и религии. Те, кто отрицает социальную, культурную, экзистенциальную необходимость и ценность религии или науки, это, соответственно,— воинствующие атеисты и воинствующие антисциентисты, конечно, являются противниками стратегии диалога науки и религии. Второй из упомянутых принципов — это *«принцип корректности»*. Он состоит в признании представителями каждого типа мировоззрения пределов их компетенции. Так, например, представитель науки, позиционирующий себя в качестве субъекта научного мировоззрения, должен понимать, что он по настоящему компетентен только в той области науки, которой он профессионально занимается. Он должен признать, что уровень его компетентности в проблематике других наук является достаточно низким. Тем более это относится к проблематике фи-

лософии, богословия и т.д. Аналогично представитель религиозного мировоззрения (богослов) должен признать, что он является высококомпетентным преимущественно в своих конфессиональных пределах (например, в вопросах православия). В вопросах, касающихся других религиозных направлений, он значительно менее компетентен. Чаще всего он недостаточно компетентен в проблематике философии и науки. Признание принципа корректности позволит избежать многих недоразумений во взаимоотношениях науки и религии, поскольку это признание не допускает категорических суждений и оценок сущностей, лежащих за пределами компетенции соответствующих субъектов.

Если представители науки и религии будут иметь в виду пределы своей компетенции, если они не будут покушаться на «твердое ядро», соответственно, религии и на «твердое ядро» науки, между ними могут быть выстроены цивилизованные и долговременные отношения.

Основанием высокой степени автономности, самостоятельности науки и религии является то, что они имеют существенно различающиеся функции и цели. Так, наука интересуется строением и свойствами того, что в философии называется имманентным (природные, социальные, ментальные системы и их свойства), в то время как религия (теизм) сущностно обращена к сфере трансцендентного. Действительно, религия утверждает, что мир, доступный научному познанию,— это сотворенный и полностью зависимый от Бога мир. Сам же Бог, связь человека с которым и раскрывает религия,— абсолютно иной, сравнительно с сотворенным им миром. Религия, христианство в частности, утверждает, иными словами, трансцендентность Бога. Познание трансцендентного (Бога), утверждают богословы, невозможно научными методами. Наука полностью бессильна в познании Бога. Бога можно познать сугубо вненаучными способами: через акт веры, через мистическое слияние с ним, через божественное откровение, через вещания пророков и т.п. Таким образом, на первый взгляд, наука и религия обращены к изучению совершенно разных «предметов», а поэтому они абсолютно независимы друг от друга. В действительности, конечно, ситуация гораздо сложнее. Дело в том, что религия (теизм), хотя и подчеркивает абсолютную иноприродность Бога миру, не может не утверждать теснейшей связи мира с его Творцом. Но это означает, что религия говорит

не только о трансцендентном Боге, не только о Творце мира, но и о связи мира с Богом и о самом мире. С другой стороны, и науку очень трудно (в лице некоторых ее деятелей, в том числе и выдающихся) удержать в пределах сферы имманентного, тем более что граница между имманентным и трансцендентным исторически подвижна. Наука стремится выйти за эти пределы, она стремится высказать нечто и о трансцендентном. Поэтому вопрос о «сферах влияния» науки и религии и в наше время остается дискуссионным.

Это не значит, конечно, что у науки и религии нет достаточно определенных и бесспорных собственных «владений». И в эти владения, разумеется, нельзя входить с чуждыми им мерками: во «владения» религии некорректно входить с мерками научными, во «владения» науки — с религиозными. Так, например, очевидно, что религия некомпетентна в собственно научных вопросах: каково строение атома кислорода; сколько планет входит в состав Солнечной системы; как получить материал с заданными физико-химическими свойствами и т.п. Уже Г. Галилею было ясно, что «цель Святого Духа в том, чтобы указать нам путь на небеса, а не объяснить движение небес». В свою очередь, наука не должна вмешиваться в собственно религиозные вопросы: как истолковать догмат Троицы, как соединяются божественное и человеческое во Христе, как осуществлять те или иные религиозные обряды, как молиться, как писать иконы и т.д. Разумеется, вмешательство религии в решение собственно научных вопросов либо вмешательство науки в собственно религиозную жизнь приведет к конфликтам этих секторов культуры. Применительно к этим сферам — к сфере собственно научных и собственно религиозных проблем — должна осуществляться стратегия автономности этих секторов культуры.

Науку и религию часто противопоставляют на том основании, что наука, используя постоянно совершенствующиеся методы эмпирического и теоретического познания, дает нам объективные и истинные знания о человеке, мире и их взаимоотношениях, а религия основывается на авторитете, на традициях, на субъективных свидетельствах, на эмоциях. Наука, с такой точки зрения, движется, приближается к единой и универсальной для всех людей истине, а религий существует много и каждая из них претендует на обладание Абсолютной истины. С другой стороны, науку

и религию нередко противопоставляют друг другу по той причине, что наука, стремительно развиваясь, непрерывно меняет свой эмпирический базис и теоретические разработки, в то время как религия сохраняет свои догматы неизменными на протяжении тысячелетий. Как оценить эти противопоставления? Насколько они справедливы? По всей видимости, эти противопоставления справедливы лишь в определенной мере. Действительно, наука всегда находится в процессе изменений, иногда — в процессе революционных изменений. Так, например, на смену классической механике пришли релятивистская механика и квантовая механика, на смену дарвиновской теории эволюции — синтетическая теория эволюция... Казалось бы, в науке нет ничего устойчивого, инвариантного. Однако такой вывод был бы поспешным, поскольку между сменяющимися друг друга научными теориями имеют место разнообразные формы преемственности. К тому же, как правило, позднейшие научные теории в том или ином смысле более совершенны, по сравнению с предшествующими теориями. Разумеется, историческая изменчивость научных знаний указывает на относительность этих знаний. Она свидетельствует о неправомерности притязаний науки на обладание полным и исчерпывающим знанием о мире, человеке и их взаимоотношениях. Она обосновывает необходимость критической оценки всех достижений науки, в том числе и современной науки. Аналогично, объективная оценка факта существования в мире множества различных религий требует от их сторонников отказа от притязаний на обладание Абсолютной истины, признания лишь относительной истинности каждой из них. В конце концов, смирение духа всегда считалось важнейшей религиозной добродетелью. Кстати, сказанное не означает, что приверженец определенной религии должен «охладеть» к ней. Ведь продолжаем же мы любить свою мать и свою родину, отчетливо осознавая их несовершенство. Стоит отметить, что религиозные воззрения также подвержены историческим изменениям. История каждой религии показывает, например, что соответствующее Священное писание истолковываются, интерпретируются по-новому каждым поколением богословов.

Долгое время весьма популярным был прямолинейно-просветительский подход, согласно которому развитие науки, непрерывный прогресс научного познания, рост научного знания ведут к вытеснению религии и религиозного мировоззрения на

обочину общественной жизни и, в конечном счете,— к их отрицанию. С такой точки зрения, существование религии и религиозного мировоззрения в значительной мере обусловлено наличием непознанного наукой, наличием своего рода «белых пятен» в общей картине мира, рисуемой наукой. Как только наука покончит с этими «белыми пятнами», так для существования религии и религиозного мировоззрения, в соответствии с этой точкой зрения, не останется гносеологических оснований. Очевидно, что сторонникам такой точки зрения свойствен излишний гносеологический оптимизм. Излишний хотя бы потому, что непознанное — это, вероятнее всего, постоянный спутник человека, поскольку мы живем, по всей видимости, в бесконечно сложной, неисчерпаемо многообразной вселенной, полное познание которой невозможно, так сказать, по определению. Очевидно также, что просветительская позиция предполагает способность научного знания опровергать либо религиозное мировоззрение в целом, либо, как минимум,— существенные компоненты такого мировоззрения. Однако это предположение нуждается в дополнительном обосновании и конкретизации. Дело в том, что научное знание и религиозное мировоззрение являются принципиально различными духовными образованиями (выражаются на различных языках, описывают различные сферы, выполняют различные функции и т.д.), поэтому их прямое, непосредственное столкновение вряд ли возможно. Добавлю здесь также аргумент, навеянный нынешним уровнем образованности населения. Несмотря на значительные усилия государства и общества в деле научного просвещения уровень образования большинства землян остается чрезвычайно низким. Пропать между тем, что знает наука, и тем, что знает рядовой человек, продолжает углубляться.

Не менее прямолинейным и упрощающим суть дела, на мой взгляд, является подход тех многочисленных ныне авторов, которые полагают, что современная наука, по сути, подтверждает религиозные представления о мире. Чаще всего в таком контексте упоминается космология с ее гипотезой о «рождении» Вселенной из сингулярного состояния. Эти авторы без колебаний утверждают, что современная — квантово-релятивистская космология — вполне согласуется с религиозными (библейскими, в частности) представлениями о сотворении мира Богом «из ничего». Многие богословы и естествоиспытатели считают, что современная наука

(космология, астрофизика, физика элементарных частиц) все более подтверждает присутствие божественного замысла в природе. Об этом присутствии, по их мнению, свидетельствует взаимная согласованность (тонкая подстройка) различных параметров Вселенной, обеспечивающая возможность возникновения и существования жизни (человека, в частности) во Вселенной. Такие взгляды развивает значительное количество авторов, анализирующих так называемый антропный принцип. Эти авторы, следовательно, предполагают способность научного знания подтвердить религиозное мировоззрение в целом или существенные компоненты такого мировоззрения. Так, например, знаменитый английский физик и космолог Стивен Хокинг, перечисляя и анализируя множество «удивительных, невероятных совпадений» в строении и эволюции Вселенной, необходимых для существования человека, пишет, что «вероятность появления вселенной, подобной нашей, в результате события вроде Большого взрыва, мизигимальна. Мне представляется, что отсюда следуют явные богословские выводы». Конечно, С. Хокинг — это большой авторитет в области космологии, тем не менее, его рассуждение следует признать спорным. Как уже отмечено, принципы религиозного мировоззрения и научные знания (факты, гипотезы, законы и т.д.) являются духовными образованиями разного ранга и поэтому напрямую не могут противоречить друг другу. Но, с другой стороны, по этой же причине они не могут напрямую и непосредственно подтверждать друг друга. Мировоззренческим принципам напрямую могут противоречить лишь равные им по рангу образования, то есть другие мировоззренческие принципы. Но научное знание непосредственно не включает в себя мировоззренческие принципы. Научное знание может послужить некоторым материалом, на основе особой формы обобщения которого можно прийти к некоторым мировоззренческим принципам. При этом следует помнить, что речь идет об особой процедуре обобщения научного знания. О такой форме обобщения, которое существенным образом преобразует исходный (обобщаемый) материал. Результат этого преобразования (вновь сформулированные мировоззренческие принципы) выходит за пределы научного знания. Так, к примеру, на основе научного знания (на основе некоторых законов, принципов науки: закона сохранения вещества, закона сохранения энергии и т.п.) можно сформулировать принципы,

утверждающие вечность (несотворимость, неуничтожимость) мира, что и сделано в рамках некоторых материалистических направлений философии. Но это именно мировоззренческие (философские в данном случае) принципы. Эти принципы не входят непосредственно в состав научного знания, не могут быть доказаны научным способом, они формулируются на особом — философском в данном случае — языке, они описывают ненаучные объекты (материю, субстанцию) и т.п. Другой пример. На основе данных биологической и медицинской науки можно сформулировать утверждение, содержащее критерий смерти человека. Однако такое утверждение будет носить уже не научный, а мировоззренческий характер. Дело в том, что наука (в данном случае — биомедицинская) может доказательно утверждать смерть тех или иных структур человеческого тела (определенных структур мозга, в частности), но утверждение о смерти человека требует принятия некоторых представлений о сущности, о природе человека (материалистических, спиритуалистических, религиозных). Однако выработка и принятие тех или иных представлений о сущности, о природе человека возможно лишь на уровне мировоззрения. Если мы, к примеру, являемся сторонниками материалистического мировоззрения, то, разумеется, смерть мозга человека будет для нас означать биологическую смерть человека. Но и сторонники материалистического мировоззрения могут говорить о продолжении социальной, культурной жизни человека после его биологической смерти. Если же мы — сторонники религиозного мировоззрения, то смерть мозга человека будет для нас лишь определенной фазой умирания низшего (телесного) начала в человеке. В то время как высшее начало в человеке (душа, дух), с точки зрения такого мировоззрения, бессмертно.

Таким образом, достаточно обоснованными представляются следующие выводы. 1. Религиозное мировоззрение и научное знание являются принципиально разными духовными образованиями и обладают высокой степенью самостоятельности. Они говорят на разных языках и о разных мирах, поэтому неадекватными являются подходы, утверждающие возможность прямого, «жесткого» опровержения или подтверждения принципов религиозного мировоззрения научным знанием. 2. Методологически корректное сопоставление религиозного мировоззрения и научного знания требует конкретного и дифференцированного подхода:

выявления существенно различных уровней, составляющих, форм этих духовных образований; определения и конструирования звеньев, опосредующих, соединяющих компоненты религиозного мировоззрения, с одной стороны, и компоненты научного знания, с другой стороны.

Из сказанного ясно, что плодотворный и конструктивный диалог науки и религии возможен далеко не по всем вопросам и проблемам. Среди направлений возможного плодотворного диалога науки и религии следует указать на обширное поле социальной и гуманитарной проблематики, а также на множество тесно переплетенных друг с другом мировоззренческих проблем.

В частности, наука и религия, представленные соответственно научным сообществом и религиозными организациями, могут и должны сотрудничать в деле разрешения глобальных проблем современности. Это — сложнейшие в теоретическом плане проблемы. Их решение не терпит отлагательства, поскольку они угрожают самому существованию человечества. В возникновение и обострение этих проблем внесли и вносят свой вклад как наука, так и религия. Теперь они должны доказать свою способность к разрешению названных проблем. В этом деле каждая из них найдет, в чем проявить себя. Так, наука может и должна построить соответствующие модели и рассчитать, где проходит «запретная черта», то есть черта, отделяющая допустимые параметры биосферы от недопустимых. Религия, в свою очередь, может и должна внести существенный вклад в формирование экологического сознания, в формирование гуманистических ценностных ориентаций.

Диалог между наукой и религией возможен (и действительно имел и имеет место) при обсуждении многих мировоззренческих вопросов. Речь идет о таких вопросах, как вопросы о строении и развитии Вселенной, проблема происхождения жизни, проблема антропосоциогенеза и т.д. Говоря о диалоге науки и религии в связи с мировоззренческими вопросами, следует иметь в виду, что подходы науки и религии к вопросам такого рода принципиально различны. Дело в том, что религия (будем для определенности говорить о христианстве) является гораздо более консервативной системой, чем наука. Консервативность религии определяется, в частности, наличием Священного писания (Библии, если говорить о христианстве). Именно из текста Священного писания

религиозные мыслители и извлекают основоположения, принципы соответствующего религиозного мировоззрения. Эти принципы, как правило, остаются неизменными на всем протяжении существования религиозной системы. Так, фундамент христианского мировоззрения образуют принцип креационизма, утверждающий сотворенность мира Богом из ничего, принцип сотворенности человека Богом по образу и подобию Бога, принцип провиденциализма, утверждающий, что все в мире происходит в соответствии с божественным замыслом, и некоторые другие. От этих принципов данная религиозная система не откажется, ибо отказ от них был бы отказом от сути этой религии. В то же время указанные принципы могут различным образом интерпретироваться в различные эпохи и разными религиозными мыслителями. И самое важное в нашем контексте — интерпретация принципов религиозного мировоззрения определяется не в последнюю очередь объемом и качеством позитивных, в частности, научных знаний о мире и человеке. Научные знания сами по себе не образуют мировоззрения. Максимум, что может наука в мировоззренческом плане — это построить то, что называется «научной картиной мира». Однако, существуя и развиваясь в конкретном социокультурном контексте, в контексте сосуществующих и нередко конкурирующих мировоззренческих систем (религиозных и философских), научные знания либо поддерживают, подтверждают определенные формулировки и некоторые интерпретации тех или иных мировоззренческих принципов, либо противоречат некоторым формулировкам и интерпретациям этих принципов.

Отмечу здесь еще одно, частное, но достаточно существенное, направление возможного диалога науки и религии. На мой взгляд, чрезвычайно перспективным является диалог науки и религии в деле изучения религии. Действительно, современная наука проявляет большой интерес к религии. Существует множество наук, изучающих религию: философия религии, история религии, социология религии, психология религии, религиоведение. С другой стороны, религия является предметом изучения многих богословских дисциплин. Очевидно, что взаимодействие науки и религии в этой сфере может быть весьма плодотворным.